
Талый снег все стекает со ржавых карнизов,
И порой, возвращаясь домой, по ночам,
Вижу в сумерках тень, облеченную в ризу,
В чьих дрожащих ладонях трепещет свеча.

Прохожу, понимая, что мне показалось,
Прохожу, и все слышу – гудят провода,
Ускоряю свой шаг и, встревоженный малость,
Все бреду и бреду – неизвестно куда.

Загляну за забор, там, где церковь ютится,
Там, где службу ведут и звучат голоса,
Но не знают они, что какая-то птица
С колокольни с тревогой глядит в небеса.

Мимо школы пройду, все мерещится что-то,
Словно я там с ватагой последних тупиц
Проношусь, хохоча, и стекает блевота
С их незрчих и бледных, бессмысленных лиц.

Как же в детстве я с ними, сбегая из школы,
Несся зимней порою – распахнут портфель –
И казалось остались лишь ветер веселый,
Наши крики и хохот, и мрак, и метель.

Мимо нас, словно в дымке, неслись очертанья
Старых серых домов, желтых окон квартир,

Я пытался сглотнуть теплый ком под гортанью,
И до боли понять и почувствовать мир.

И унять странный крик, подступающий к горлу,
Этот крик, что так рвался в морозную высь,
Там, где странная птица крыла распростерла
И два сумрачных глаза тревожно зажглись.

Пусть тогда еще смутно, тогда еще блёкло,
Но я понял тот вещий, пророческий знак,
Млечный путь, словно меч над землею Дамоклов,
Озарял нам дорогу в оснеженный мрак.

Мы неслись в этот сумрак, еще и не зная,
Что нас ждет впереди, веселясь и крича,
Только кто-то стоял и глядел, не моргая,
И в ладонях его трепетала свеча.

Зимний ветер свистел и ослиные гривы лохматил,
В мутной пепельной дымке деревьев сгибались верхи,
И стонала во тьме, в алом блеске огня Богоматерь,
И за стадом брели в свете сумрачных звезд пастухи.

И сквозь ветреный свист долетали до них эти стоны,
А потом крик младенца из темени сонной возник,
Ветер так же свистел, и раскачивал древние кроны,
И казалось, что в мире остались лишь ветер и крик.

Трепеща на ветру, как свеча на дрожащей ладони,
Словно правда ее вдруг зажгла чья-то черная длань,
Загорелась звезда на небесном обугленном фоне,
И волхвы поднялись и поехали в стылую рань.

На косматых ослах потянулись по дремлющей степи,
А над ними во мраке, дрожа на свирепом ветру,
Все следила звезда, и сама разгоралась свирепей,
Пастухи совещались и жались поближе к костру.

Им казалось во тьме кто-то призраком стонет и бродит,
То ли вор, то ли ветер, язвящий и жалящий плоть,
Вдруг раскинув крыла взвился в сумраке ангел Господень
И изрек огнеустый: "Внимайте, родился Господь".

И, дрожа, пастухи повалились пред ним на колени,
И услышав тот глас, песни певшие, смолкли волхвы,
Целый мир замолчал, и казалось на пару мгновений:
Все просторы вселенной вдруг стали немы и мертвы.

Потянулась толпа к той холодной и светлой пещере,
Где толпилось зверье, пахло шерстью и гарью костра,
И младенец глядел сквозь раскрытые в сумерки двери,
В тот туманный простор, где свирепые мчались ветра.

А потом в тишине стали люди шептать и молиться,
И младенец кричал, чтоб потом замолчать до поры,
Лишь мятежный огонь освещал изумленные лица,
И в немых небесах серебром распускались миры.

Усталый, зябкий, тусклый свет от лунного огрызка,
Отметины холодных звезд в поблекшей пустоте,
В железной дождевой трубе рыдает ветер-призрак,
В ослепшем свете фонаря чернеет чья-то тень.

Устало смотрит небо вниз незрячими глазами,
Струится отсвет фонаря в осенних луж стекло,
Кто в этом свете на углу, как изваянье, замер?
Он все стоял, и я стоял, и только время шло.

И только вниз глядела высь в мерцании алмазном,
И листья желтые неслись со свистом мимо нас,
Я робко в лужу посмотрел, и в отраженьи грязном
В ней чистый отыскал один единственный алмаз.

Погас фонарь, исчезла тень, лишь я один во мраке,
Ищу алмаз в сплошной грязи и слышу, как вдали

Грызут холодный труп луны продрогшие собаки
И лают в грозной темноте, далекой от земли.

Кто-то сгинул во тьму, не оставив прощальной записки,
Плакал тени вослед оплывающим снегом февраль,
Он ушел, не узнав, что рассвет ослепительно близкий
Скоро вручит земле переполненный кровью Грааль.

Он ушел навсегда, на снегу не оставив и следа,
Он ушел, не узнавши, что скоро пройдут холода,
Что густые потоки горячего алого света
Хлынут с теплых небес, словно кровь из разбитого рта.

Он ушел, позабыв, что когда-нибудь кончатся муки,
Что от чьих-то шагов все сковавший сломается лед,
Он не слышал вдали грозных песен ликующих звуки,
Возвещающих всем, что великая Радость грядет.

Он не знал, что в ночи раздувается пламя пожара,
Что плывут над землей пламенеющих туч корабли,
Свет от огненных крыл, от расправленных крыльев Икара
Озаряет толпу, что встает непокорно вдали.

Озаряет толпу, что шумит океаном безбрежным,
Озаряет толпу, над которой висит тишина,
Но уже вдалеке грозно катится с шумом мятежным
Всемогущего гласа, зовущего гласа волна.

И все ярче рассвет, рассыпающий светлые искры,
И все ярче горит беспредельное море лучей,
Звуки песен растут и торопят раскатистый выстрел,
Что однажды раздастся в одну из холодных ночей.

Но не встретит рассвет, кто ушел, растворившись во мраке,
Чью согбенную тень поглотил белоснежный туман,
Звуки песен растут и мерещатся новые знаки,
И взывает труба, и гремит вдалеке барабан.